

ТАМАРА СИНЯВСКАЯ: ЗА СЦЕНОЙ

Оперная дива Тамара Синявская была на виду у публики всю жизнь. Она пела по всему миру, но проще всего ее было услышать, конечно же, в Москве, в Большом театре. И еще в Баку, который стал для нее вторым родным городом с момента встречи с Муслимом Магомаевым.

ТЕКСТ: ЕЛЕНА ГОЛОВАНОВА

ФОТО: АЛЕКСЕЙ КОЛПАКОВ / VITALS

П

осле ухода супруга два с половиной года назад Тамара Ильинична как будто исчезла: она не выступает, редко выходит в свет и категорически отказывается общаться с журналистами. Но для журнала «Баку» все же сделала исключение.

БАКУ: Тамара Ильинична, чем сейчас заполнена ваша жизнь?

ТАМАРА СИНЯВСКАЯ: Прежде всего, конечно, институтом, в котором я преподаю уже шесть лет. В ГИТИС меня заманивали очень долго – по определенным причинам в связи с болезнью супруга петь у меня уже не было ни сил, ни желания. Сначала я взяла на вокальной кафедре двух учеников. Потом, осмелев, еще нескольких. И вот к настоящему моменту выпустила уже трех дипломников. А 1 мая 2005 года меня, можно сказать, за руку привели в деканат и попросили подписать их решение о моем назначении заведующей вокальной кафедрой ГИТИСа.

БАКУ: Ходят истории о том, какой вы строгий педагог. Двойку кому-то поставили за диплом...

Т.С.: Было такое. Но вина была не только студентки, она просто пела не по делу – у нее очень «утробный», уникальный голос, с таким нельзя братья за оперные партии. Потом мы вышли из положения – я попросила ее приготовить репертуар из легких романсов. А вообще я не суровая, просто объективная. Ведь в ГИТИСе я являюсь официальным лицом и ставлю свою подпись. А своей репутацией я всегда очень дорожила – и певицей, и теперь, будучи педагогом. Мне не все равно, что и как поют мои ученики.

БАКУ: Вы довольны тем, как меняется ситуация в институте?

Т.С.: Я потихоньку начала устанавливать высокую планку, которую привыкла держать в Большом театре. Может быть, я вступила в стены института с огромными требованиями. Но уверена, что только так и надо: это касается и голосов, и того, как нужно относиться к сцене. Я даже пошла немножко дальше и попросила деканат сделать зал для прослушиваний. Мы туда поставили белый рояль из нашего дома – с благословения Муслима. На этом рояле теперь золотая дощеч-

ка, на ней написано, что это рояль Муслима Магомаева. Иногда кто-нибудь зайдет во время заседания кафедры и скажет: «Да у вас тут как в консерватории!» И я отвечаю: «А почему бы и нет?»

БАКУ: Да вы навели свои порядки!

Т.С.: Это не порядки, это желание жить в красоте, в гармонии. Сами понимаете, я попала в Большой театр практически в детстве – мне было 20 лет, когда меня приняли в стажерскую группу. Золото, декорации, красные стены в шелках – я выросла в классической красоте. Видите, мы с Муслимом и дома всегда старались создать такую обстановку – может быть, кому-то кажется, что это чересчур. Но это мое, меня изначально воспитывали в классическом духе: пение должно быть красивым, человек должен быть красивым, отношения между людьми должны быть красивыми, прежде всего – огромными буквами – ЛЮБОВЬ.

БАКУ: Опера – это такая концентрированная жизнь: с бушующими страстями, с драмами... Скажите, как оперные певцы это переживают, влияет ли сцена на мироощущение, на душевный склад?

Т.С.: Безусловно! Наши образы – это наши учителя. Правда, если эти образы сделаны с хорошим режиссером. Мне повезло в жизни, я практически все делала с Борисом Александровичем Покровским, он очень хорошо умел регулировать мои эмоции. У меня внутри все кипело, и он только подсказывал, как контролировать чувства, чтобы не хлынули через край. На самом деле то, что чувствуешь после спектакля, сложно описать. Это даже не опустошение – скорее бессилие. Внутри – как полный сосуд. Все отдано: голос, сердце, нервы, душа... Приходишь домой и чувствуешь, что голос стал бесцветным. И, конечно, часов до двух, до трех ночи не можешь заснуть.

БАКУ: А вообще свой голос вы как воспринимаете – у него божественное происхождение или вполне себе объяснимое, земное?

Т.С.: Ну конечно, это Божий дар. Но, кстати, сама я поняла это не сразу. Поначалу думала, что петь и танцевать дано всем. В детстве, в пионерском ансамбле, помню, мы ели мороженое зимой на спор, по пять брикетов за двадцать восемь копеек, пели на улице, в автобусе... Горло, в общем, было закалено. А потом, когда попала в театр, меня начали просвещать, что голос надо беречь. Должна сознаться, что и сейчас, до сих пор каждое утро, еще до кофе, я подхожу к инструменту – и проверяю, как он там...

БАКУ: А вы наблюдали случаи, когда голос исчезал?

Т.С.: Безусловно. Голос забирают. Но не просто так, этому всегда многое предшествует. Если человек одержим жадной денег, он споткнется обязательно – это же постоянная нагрузка: концерты, переезды, жизнь в неизвестно каких условиях, недосыпание, неправильное пение. На моем веку очень многие коллеги теряли голос. Я же прошла два стажера. У нас в Боль-

**НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ БЫЛ
КОНЦЕРТ, И В НЕМ ВЫСТУПАЛ
МАГОМАЕВ. ТАМ-ТО НАС
И ПОЗНАКОМИЛ РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

шом существовал негласный закон: стаж оперных певцов – 20 лет. Некоторые с трудом дотягивали до конца, я же пропела 40 лет, два срока.

БАКУ: В вашей семье всегда бережно относились к голосу?

Т.С.: Я – да. А Муслим – человек свободный всегда и во всем. Когда ему задавали вопрос: «Что бы вы изменили в своей жизни?» – он всегда отвечал: «Ничего, только не курил бы». Не удалось ему бросить. Но что удивительно – ему в профессии курение никогда не мешало. Связки его до последнего дня оставались в очень хорошем состоянии. Он мог бы петь и петь. Но как артист с большой буквы он ушел в тот момент, когда почувствовал внутри себя дискомфорт. Никто еще этого не заметил. Даже я. Всегда говорила ему, слушая, как он занимается дома: «Как жаль, что это слышу я одна!» А он отвечал: «Я люблю петь, как птица, только когда хочется, без напряжения».

Именно поэтому я и сама теперь не выступаю. Хотя до сих пор получаю приглашения из театра. Мне это очень лестно, но, знаете... просто пение уже не приносит прежнего удовольствия. Не хочу возвращаться туда, где когда-то мне было так хорошо. Да и просто не имею права – у меня же есть планка.

БАКУ: Какие у вас самые любимые образы?

Т.С.: Больше всех я любила Любашу из «Царской невесты». Даже когда у нее появилась «сестрица» в образе Кармен, я не предала ее. Кармен живет практически в каждой женщине, это мощная палитра всего: кокетства, хитрости, нежности, гордости. Женщина на все времена. А Любаша – сугубо русская женщина, которая так умеет любить, что сердце из груди вырвет и положит на блюдечко перед своим любимым. И скорее умрет, чем расстанется с ним. Русские оперы вообще самые трудные: «Хованщина», «Борис Годунов», «Князь Игорь». Там такая насыщенная оркестровка, такая глубина в образах, что всю душу наизнанку выворачивает. А с Любашей это у меня на всю жизнь – как познакомилась, так и влюбилась раз и навсегда. Как и в город Баку.

БАКУ: А как вы впервые попали в Баку?

Т.С.: Это случилось 2 октября 1972 года. Я очень сопротивлялась. Перед этим у меня были длительные гастроли, последним пунктом был Минск – очень холодный, сырой, отопление там еще не включили, и я была простужена. Думала: ну какой еще в такую погоду Баку? Я тогда ничего о нем еще не знала. Но 2 октября я вместе с делегацией Большого театра все же полетела туда на Декаду русского искусства и литературы. Только мы вышли из самолета, меня обдало таким теплым, чудесным воздухом, что я сразу почувствовала: я дома. А на следующий день был концерт, и в нем выступал Магомаев. Там-то нас и познакомил Роберт Рождественский – в филармонии, которая носит имя дедушки Муслима.

Когда я побродила по Баку, встретила с Муслимом, поняла, что намертво влюбилась в этот город. Он,

С ТЕХ ПОР ПРОШЛО УЖЕ БОЛЬШЕ ДВУХ ЛЕТ, И ЭТО ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ. Я НИ С КЕМ ЗА ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ НЕ РАЗГОВАРИВАЛА О МУСЛИМЕ

конечно, тогда был не такой эффектный, как сейчас – но по-своему был невероятно хорош, и центр дышал стариной. Я увидела фэтон, которых никогда прежде не встречала, и сказала, что хочу кататься на фэтоне. Муслим меня, конечно, прокатил по всем набережным, по всем своим любимым местам... И еще эта знаменитая фраза Гейдара Алиевича на корабле, на котором делегацию возили на Нефтяные Камни: «А где Магомаев?» – «Отсутствует». – «А кого еще нет?» – «Певцы из Большого театра, Тамары Синявской». – «Ну, все понятно, отправляйте пароход!» С того момента и началась наша история.

БАКУ: Потом вы часто возвращались?

Т.С.: Возвращалась? Да с того дня, как мы поженились, я бывала в Баку, можно сказать, постоянно! Без Муслима не обходился ни один правительственный концерт, и я тоже стала принимать в них участие. Результатом этого, кстати, послужило награждение меня званием народной артистки Азербайджана – ровно 30 лет спустя, в октябре 2002 года. Тогда город три дня подряд праздновал 60-летие Муслима. Все это устраивал Гейдар Алиевич – с большим тактом, вкусом... Он очень любил Муслима. А Муслим относился к нему практически как к отцу. У них была особенная духовная связь. Муслим и сломался-то в тот момент, когда Гейдара Алиевича не стало. А сейчас меня очень опекает его семья – Муслим будто передал меня им как «эстафетную палочку». Ильхам Гейдарович, Мехрибан ханым, новое поколение – Лейла и Эмин, а также многолетние наши друзья Арас и Ирина Агаларовы... Я всем этим людям безумно благодарна за то, что чувствую их незримое присутствие, как Муслим всегда чувствовал присутствие Гейдара Алиевича. Но мне трудно о нем говорить, понимаете? Прошло уже больше двух лет, и это первое интервью. Я ни с кем до сих пор не разговаривала о Муслиме.

БАКУ: Может быть, легче было бы написать?

Т.С.: Да, мне об этом многие говорят. Но для того чтобы писать воспоминания, нужно иметь посвободнее голову. И сердце. Должно пройти время. Знаете, у меня был такой случай в институте. Ко мне в класс попросился студент – очень хороший мальчик, баритон. Я провела с ним один урок, а потом, извинившись, сказала: «Сережа, я с тобой заниматься не смогу».

Потому что – баритон. Потому что – репертуар Муслима. Потому что – больно... ☐